

мог бы человек сотворить?

Ответ: дело все же остается присущим и свойственным людям, оно является уничтожением себя самого. И тем не менее каким бы великим ни оказалось сие уничтожение и уничтожение себя самого, оно будет неполным, если Бог Сам не завершит его в человеке. Только тогда смирение совершенно достаточно, когда Бог смирит человека посредством самого человека. Только тогда, и не раньше, будет достаточно человеку и добродетели.

Вопрос: как должен Бог уничтожить человека через него самого? Сдается, что сие уничтожение человека есть возвышение через Бога, ведь и Евангелие говорит: «Кто умалит себя, тот возвысится»⁶¹.

Ответ: да и нет! Человек должен «умалить» себя самого, а этого-то как раз недостаточно, ибо сие творит Бог. И он должен «возвыситься», однако не так, что сие уничтожение — одно, возвышение же — другое. Напротив, высочайшая вершина возвышения находится в глубокой бездне смирения. Ведь чем глубже дно и чем оно ниже, тем возвышение и высота больше. И чем глубже колодец, тем он одновременно и выше; высота и глубина суть одно. Потому чем больше сумеешь себя умалить, тем станешь возвышенной. Посему сказал наш Господь: «Кто хочет быть наибольшим, тот между вами наименьшим да станет»⁶². — Кто хочет быть тем, тот должен стать этим. То бытие можно обрести в этом лишь становлении. Кто станет наименьшим, тот будет, воистину, величайшим, но кто стал наименьшим, тот уже теперь величайший. Так оправдывается и исполняется слово Евангелиста: «Кто унижит себя, тот возвысится». Ибо все наше бытие ни в чем ином состоит, как в превращении в ничто.

«Вы обогатились всеми добродетелями»⁶³, — так начертано. Поверь, этому никогда не случится, если прежде не станешь бедным во всем. Кто хочет все получить, тот все должен отдать. Это честная торговля и равноценный обмен, как я говорил прежде. Поскольку Бог хочет нам дать Себя Самого и все вещи в свободное владение, постольку Он хочет всю собственность у нас полностью и совершенно отнять. Воистину, Богу вовсе не хочется, чтобы мы своего столько имели, что едва могли бы окинуть то взором. Ведь все дары, что Он нам когда-либо давал, как дары природы, так и дары благодати, те Он нам подавал ни с каким другим умыслом, как только с тем, чтобы мы ничего не забирали себе. Точно так же Он никогда и ничего не давал ни Своей Матери, ни человеку и никакому другому творению. И дабы нас научить и нас оградить, Он часто у нас отнимает то и другое: телесное и духовное благо. Ведь слава принадлежит не нам, но только Ему. Мы же должны всем владеть так, будто нам это одолжено, а не отдано, без всякого обладания, — будь то тело либо душа, чувства, силы, внешнее благо, или честь, друзья, сродники, дом, двор и все вещи.

Что же Бог замышляет, когда к сему так устремляется?

Да то, что Сам Он желает быть нашим единственным и полным владением. Этого хочет и сие замышляет и только к сему устремляется, дабы таковым Ему сметь и смочь стать. В этом состоит Его величайшее наслаждение и упоение. И чем полней и обширней Он может им быть, тем совершенней Его блаженство и ликование. Но чем больше вещей мы имеем в нашем владении, тем меньше Его мы имеем своим достоянием; и чем меньше любви мы имеем ко всяким вещам, тем больше Его мы имеем со всем, что Он может подать. Поэтому, когда наш Господь хотел говорить о блаженствах, нищету духа Он поставил им во главу⁶⁴, первой же она была в знак того, что любое блаженство и совершенство вместе и порознь имеют начало в нищете духа. И, воистину, если и есть основание, на котором могло бы